

Гречишникова Нина Петровна

ФИЛОСОФИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается тема институциональности просветительской деятельности в контексте истории русской философии. Работа написана с использованием социологического подхода к осмыслению философских традиций и этим выделяется из общего ряда историко-философских трудов. В понимании автора просвещение есть особое направление в духовной деятельности человечества, основывающееся на вере в преобразующую силу разума и выражающееся в транслировании знаний, способствующих совершенствованию социальных отношений. Очевидно, что просвещение выполняет вполне конкретные функции в обществе. Именно поэтому автор говорит об институциональности просвещения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 53-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Внутренняя миграция в России как путь к выравниванию уровней социально-экономического развития регионов** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/news/5085.html> (дата обращения: 22.04.2015).
2. **Гришанова А. Г., Красинец Е. С.** Трудовая миграция и миграционная политика в современном российском обществе // Миграционное право. 2014. № 1. С. 2-5.
3. **Гришанова А. Г., Макарова Л. В.** Актуальность изучения миграционных процессов в России в целом и в координатах Евразийской транспортной системы // Миграционное право. 2012. № 3. С. 2-4.
4. **Итоги деятельности ФМС России в 2011 г.:** сборник материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы / под общ. ред. директора ФМС России К. О. Ромодановского. М.: Изд-во ФМС России, 2012. 124 с.
5. **Люттов Н. Л.** Обзор трудового права Европейского союза // Трудовое право России и стран Евросоюза: сборник статей / под ред. Г. С. Скачковой. М., 2012. 268 с.
6. **О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в части повышения мобильности трудовых ресурсов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации:** Федеральный закон от 22.12.2014 г. № 425-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 2014. № 52. Ч. 1. Ст. 7536.
7. **Пояснительная записка к проекту закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации” в части повышения мобильности трудовых ресурсов и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»** [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. **Рыбаковский Л. Л.** Миграция населения: вопросы теории. М., 2003. 240 с.
9. **Рязанцев С. В.** Формы временной миграции в России // Миграционное право. 2014. № 1. С. 14-17.
10. **Фадеева Т. А.** Категории «миграция населения» и «трансформация миграции населения» в контексте демографического развития // Миграционное право. 2014. № 4. С. 13-16.
11. **Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России – 2014 г.** [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_01/Main.htm (дата обращения: 26.04.2015).
12. **Филюченко Л. И.** Правовое обеспечение приоритетности трудоустройства россиян // Трудовое право в России и за рубежом. 2013. № 4. С. 34-37.
13. **Шуйская К. Г.** Внутренняя трудовая миграция [Электронный ресурс] // Делопроизводство и кадры. 2015. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

MODERN STATE OF INTERNAL MIGRATION OF MANPOWER IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vysheslavova Tat'yana Fedorovna, Ph. D. in Law, Associate Professor
North-Caucasus Federal University
vysheslavova_tf@mail.ru

In the article the author addresses the problems of the structural disproportions of labor market and their influence on the demand of modern labor market in manpower. The place of internal migration processes in the Russian Federation is determined, which are examined as a complicated social phenomenon. The shortcomings of the legal regulation of manpower mobility raising in the Russian Federation are noted. The author examines the directions of improving the legislation providing the legal regulation of internal migration in the Russian Federation.

Key words and phrases: internal migration; able-bodied population; labor market; manpower mobility; labor resources; job placement; professional orientation; mobility stimulation; state guarantees.

УДК 124.5

Философские науки

В статье рассматривается тема институциональности просветительской деятельности в контексте истории русской философии. Работа написана с использованием социологического подхода к осмыслению философских традиций и этим выделяется из общего ряда историко-философских трудов. В понимании автора просвещение есть особое направление в духовной деятельности человечества, основывающееся на вере в преобразующую силу разума и выражающееся в транслировании знаний, способствующих совершенствованию социальных отношений. Очевидно, что просвещение выполняет вполне конкретные функции в обществе. Именно поэтому автор говорит об институциональности просвещения.

Ключевые слова и фразы: эпоха просвещения; просветительская деятельность; русская философия; социальный институт; идеология.

Гречишникова Нина Петровна, к. филос. н., доцент
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
nina-grech@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ[©]

Хронологические рамки Российского Просвещения ограничены самым началом XVIII века и началом XIX века.

Мы не случайно касаемся данной темы. Внимание к духовной культуре России XVIII века обусловлено многими причинами. Интерес этот определяется, прежде всего, тем, что переживаемый нами сегодня этап российской истории в сфере духовного самосознания во многом аналогичен восемнадцатому столетию. И тогда и сейчас нация в лице своих идеологов пыталась осмыслить собственную самобытность, мучительно искала подходы к тому, какой выбор сделать, на каких ценностях строить будущее державы.

В последнее время интерес к рассмотрению вопросов становления национального самосознания значительно актуализировался в философской литературе. Так, А. И. Кашапова, по сути, утверждает о преднамеренной институализации процессов воспитания нации со стороны государства. «Сегодня патриотическое воспитание нации выступает как приоритетная задача российского государства. В стране принята и осуществляется Государственная программа патриотического воспитания... в общественное сознание пришло осознание того, что патриотизм – духовный “мобилизационный ресурс”, основа укрепления мощи государства и повышения его авторитета и в международном сообществе, и в собственном социокультурном пространстве» [5, с. 94].

Мы будем исходить из того, что русская философия – часть общей культурной традиции русского народа. Здесь мы солидарны со многими историками философии и, в частности, с А. Д. Суховым, высказавшим мысль, что «особенности развития русской культуры, также как и судьбы страны, отражались в философском сознании» [7, с. 5]. В целом, такой подход созвучен и В. А. Кувакину [6, с. 12].

Политическое и экономическое развитие России в первой половине XVIII века резко увеличило потребность в развитии целого ряда направлений, как в научном знании, так и в философской мысли. Вопрос о том насколько «философична» русская философия исследуемого исторического периода, и какова ее специфика, нередко вызывает проблемные затруднения у исследователей.

В отечественной историко-философской литературе представлены попытки ответов на эти вопросы. К сожалению, над исследователями чаще всего довлела моноидея, выражающаяся в одностороннем рассмотрении предмета исследования и проблем с ним связанных. В частности, это было характерно для русских религиозных философов.

Однако многие вопросы снимаются, если найти в подходах к Просвещению более широкие основания. Известно, что одним из первых термин «Просвещение» употребил Дж. Мильтон в «Потерянном рае» (1667). После этого, вплоть до настоящего времени, понятие «просвещение» постоянно уточнялось. Для французских просветителей XVIII столетия основополагающим в понимании Просвещения явилось представление о том, что исправление социальных отношений возможно только на основании познания «естественного порядка вещей». Главенствующая роль при этом отводилась разуму. «Естественный порядок» в принципе познаваем, и социальные отношения должны быть приведены в гармоничное соотношение с ним, т.е. с объективными закономерностями всей действительности и человеческой природы, в частности. Подобные представления были характерны для Мелье, Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо, Бюффона, Кондорсе, Робине и др.

Попытка ответить на вопрос «Что такое Просвещение?» имела место и у Канта в статье, которая так и называлась «Ответ на вопрос, что такое Просвещение?». Кант полагал, что значение Просвещения в том, что оно создало предпосылку критики самого разума, сформировало новую культуру мышления, основанную на способности самостоятельного пользования рассудком без руководства со стороны [4, с. 131].

В советский период историки философии в противовес религиозно-мистической трактовке русской философской мысли обратили особое внимание на материалистические аспекты философии XVIII столетия. Отбор просветителей проводился, исходя из их принадлежности к прогрессивному крылу русской общественной мысли. В «Истории философии в СССР» это представлено следующим образом: «...в России сформировалось просветительское направление, выдвинувшее передовые общественно-политические, философские, социологические и этические идеи. Наиболее видными представителями русского Просвещения XVIII века были Н. Н. Поповский, А. Я. Поленов, И. А. Третьяков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, П. С. Батулин, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, П. А. Словцов, Ф. В. Ушаков» [2, с. 5].

А где же представители русского духовенства, отличавшиеся философским складом ума? И вообще, на основании каких критериев мы относим одних мыслителей к просветителям, а других к «непросветителям»? Ответ на этот вопрос возможен лишь в результате определения понятия «просвещение».

В указанном издании некоторые критерии выделены, но можем ли мы их принять? «Не дойдя до понимания истинных причин, обуславливающих общественное развитие, и оставаясь в решении этого, как и других вопросов общественной жизни на идеалистических позициях, они апеллировали тем не менее не к богословию и мистике, как это делали идеологи официального лагеря, а к разуму и науке, противопоставляли религиозно-мистическим доктринам рационализм, веру в безграничную силу познания. Их идеи были направлены своим острием против господствовавшей феодальной идеологии» [Там же].

Теоретико-методологической основой для данных выводов, надо полагать, явилось понимание Просвещения как идеологического течения и философской концепции, враждебной феодально-абсолютистскому строю и его порождениям в экономической, социальной, духовной областях.

Итак, мы замечаем, исходя из приведенных текстов, что все просветители: вольнодумцы; сциентистски ориентированные рационалисты; оппозиционеры.

С чем мы можем здесь согласиться? С тем, что для ряда мыслителей XVIII столетия указанные особенности были характерны. Однако мы не вполне согласны с тем, что обозначать понятием «просветители» можно только круг мыслителей, очерченный указанными критериями.

С нашей точки зрения данные характеристики недостаточны. Что мы можем отметить со своей стороны?

Философия в России XVIII века развивалась и в рамках богословия. Хотя, собственно теологические проблемы не были главными для русских религиозных философов. Они скорее использовали материал

Священного Писания для обоснования идей, касающихся областей социально-политических и этических и в тех или иных аспектах выходящих за рамки религии. Некоторые русские богословы закладывали фундамент национальной идеологии. Их философия нередко выходила в социальную практику. Допустимо ли в этой связи «забывать» о подвижнической деятельности на ниве просвещения русских богословов-публицистов, в частности, Дмитрия Ростовского, Дмитрия Сеченова, Феофана Прокоповича и других проповедников?

Почему обязательная ориентация на науку? Да, в России науку уважали, но помимо научного знания есть и ненаучное, где не выполняется закон достаточного основания, где отсутствуют интересобъективность, номологичность, верифицируемость и другие критерии научности. Но, тем не менее, ненаучное знание – тоже знание. Богословие мистично по определению, т.е. ненаучно, но это отнюдь не означает, что оно бесполезно или вредно.

Трудно согласиться с характеристикой обязательной оппозиционности. Это, конечно же, было, но в целом для XVIII века характерно как раз обратное – верноподданические настроения подавляющего большинства мыслителей, при всем том, что они нещадно бичевали пороки своей эпохи.

Здесь нужно оговориться, что классовый редуционизм и вульгарный социологизм не самые лучшие подходы в истории философии. Оценивать философские идеи более правомерно с позиций содержания самих идей, не увязывая их жестко с классовой позицией их автора.

Итак, какие же критерии «просвещения» на наш взгляд являются достаточно объективными? Здесь нам необходимо ответить на вопросы что такое просвещение как особый исторический феномен, что есть Просвещение как эпоха, что представляет собой просветительская деятельность и кто такие просветители, что такое философия Просвещения и в чем ее значение.

В самом широком понимании Просвещение есть особое направление в духовной деятельности человечества, основывающееся на вере в преобразующую силу разума и выражающееся в транслировании знаний, способствующих совершенствованию социальных отношений.

Просвещение как деятельность представляет собой процесс целенаправленной активности по выработке, передаче и присвоению знаний, способствующих совершенствованию социальных отношений или, если смотреть шире, отношений в системе «мир-человек». В любой деятельности, и просвещение здесь не исключение, выделяют субъект, объект, средства, способы, цель и результат. В совокупности их можно назвать «структурные элементы просветительской деятельности»

Сохраним за субъектом просветительской деятельности название «просветитель». Какими типовыми признаками он характеризуется? Прежде всего, своей подвижнической, если угодно – миссионерской – активностью по выработке и передаче общественно-полезного знания. Миссия просветителя может быть выражена в следующей словесной формуле: я хочу сделать этот мир лучше. Причем, акцент здесь смещается именно на передачу знания. Просветитель может и не иметь собственной оригинальной системы знания, но он вполне способен обойтись и присвоенным им чужим знанием. Он присваивает и далее ретранслирует знание.

Также следует отметить обязательную фиксацию просветителем своей нравственной позиции. Просветитель не может стоять «по ту сторону добра и зла». Он всегда на стороне добра. Более того, активно со злом борется. И дело просветителя есть слово просветителя.

Объект просветительской деятельности – это та аудитория, в которую транслируется знание. Объектом может быть отдельная личность, социальная группа, вообще, любая социальная общность (нация, класс, сословие, возрастная группа), все человечество.

Способы и средства есть то, каким образом и за счет чего возможна передача знаний. Например, издательская деятельность – наиболее типичный способ просвещения аудитории, а книга – одно из типовых средств просвещения.

Целью просветительской деятельности является достижение позитивных (с точки зрения просветителя) изменений в мире. Чаще всего такой целью у русских просветителей было нравственное усовершенствование общества.

Результат деятельности есть реальные изменения, произошедшие после влияния просветителя на аудиторию.

Таковы структурные элементы просветительской деятельности. Теперь посмотрим на просвещение с точки зрения периодизации человеческой истории.

Просвещение как особый период в развитии человеческого духа в целом ограничивается рамками XVIII столетия. Мы сохраняем такое понимание, поскольку оно устоялось и, к тому же у нас нет здесь особых возражений. Кроме одного. Сохраняя за XVIII столетием название «век просвещения», мы не стали бы вслед за многими учеными жестко связывать понятие «просвещение» с идейными явлениями буржуазных отношений.

Упомянутый подход был зафиксирован в работе З. А. Каменского «Философские идеи русского Просвещения (деистическо-материалистическая школа)». Он, в частности, пишет: «К Просвещению в широком смысле слова можно отнести всю передовую идеологию этого времени, рассмотрев ее как течения внутри Просвещения».

В узком смысле слова под Просвещением следует понимать ту объективно-буржуазную идеологию, которая обосновывала мирный, реформаторский путь преобразования феодально-крепостнической России – путь просвещения народа. Эта идеология включала в себя как свою философскую основу философию Просвещения» [3, с. 4]

Такой (формационный) подход, на наш взгляд, не срабатывает при определении социальной значимости Просвещения. Хотя, как пишет П. С. Шкуринов: «в свете такого <...> подхода этап буржуазного просветительства качественно отличается от предшествующего этапа истории. Он придал просвещению новые силы, широту и глубину: распространение грамотности и образования, развитие книгоиздательства и науки, литературы и искусства приобретают масштабы, которые несравнимо с прошлым поднимают уровень общественного,

духовного, культурного развития населения» [9, с. 17] Однако далее он говорит: «явления просветительства знакомы всем социальным формациям и находят достаточно яркое выражение не только в секуляризованной форме, но и в религиозной, мифологической и смешанных формах» [Там же] Мы согласны с данным автором и в том, что необходимо отказаться от европоцентризма в подходе к просвещению. Используя цивилизационный подход можно сказать, что нам известны периоды просвещения в ассирийской, древнекитайской, древнеиндийской, арабской и других цивилизациях.

Для каждой из просветительских эпох было характерно то, что они отличались наглядным преобладанием духовных ценностей над утилитарно-материальными, духовных ценностей, которые пробуждали нравственную энергию отдельного человека и нации в целом.

В этой связи просвещение выступает неким явлением человеческой самоорганизации, и мы можем смело говорить о таком социологическом явлении как институциональность просвещения. В данном случае мы отталкиваемся от того факта, что школы, кружки, направления, идейно-политические течения, верования и движения являются частями этой организации, а монастыри, академии, университеты, церкви, училища и институты, семинарии и лицеи, журнально-книжные издательства – центрами просвещения.

Попробуем доказать наш тезис об институциональности просвещения. Длительная история просвещения и его широкая распространенность в различных цивилизациях Запада и Востока наталкивают на мысль, что просвещение существует не за счет инерции общественного сознания и преемственности просветительской традиции, сколько в силу того, что потребность в просвещении воспроизводит сама действительность. Воспроизводство просветительской деятельности обусловлено необходимостью сохранения должного качества социальных условий и прежде всего потребностью в присвоении широкими общественными кругами ценного и полезного знания и, в частности, значимых нравственных норм. Причем, ориентация на преемственность не исключает мобильности. Просвещение работает как на выживание социальной общности, так и на ее развитие.

Мы утверждаем, что просвещение вписывается в ряд родовых социокультурных явлений.

Рассмотренные нами выше структурные элементы просветительской деятельности, взятые в общем контексте духовно-практического освоения человеком окружающего его мира, в целом не противоречат этому тезису.

Просвещение невозможно без субъектов социального взаимодействия; в рамках просветительской традиции накоплены определенные значения, ценности и нормы, благодаря которым субъекты взаимодействуют; сами способы и средства просвещения являются теми открытыми действиями (проводниками), с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы.

Просвещение как общественный (социальный) институт должно быть представлено в соответствующих учреждениях. Выше мы об этих учреждениях говорили. Хотя мы жестко не связываем общественный институт с организациями пирамидального типа, а делаем акцент на его социальной значимости. Социальная значимость первична, организация вторична.

Как было замечено выше, социальная значимость просвещения проявляется в том, что потребность в нем со стороны общества обусловлена, в конечном итоге, необходимостью удовлетворять жизненно важные духовные потребности его членов.

Очевидно, что просвещение выполняет вполне конкретные функции в обществе. Именно поэтому мы стали говорить об институциональности просвещения.

Институциональность любого социального феномена есть его способность выполнять функции социального института. Что мы будем понимать под социальным институтом? Исторически сложившуюся форму организации и регулирования социально значимых видов человеческой деятельности.

Главная задача социального института отражается в его направленности на сохранение устойчивости общественной жизни.

Социальный институт всегда вырастает там, где имеет место повторяющаяся (рутинизировавшаяся) деятельность. Только тогда имеет смысл упорядочить ее, выстроив особую систему поведения в соответствии с социальными нормами и культурными образцами. При необходимости возникают и соответствующие социальные учреждения, которым общество как бы делегирует обязанности по обеспечению определенных видов деятельности. Появляются и социальные роли, особые социальные статусы для индивидов, обеспечивающих институциональную деятельность. В нашем случае имеет смысл говорить о социальной роли просветителя.

Просвещение есть социальный институт уже потому, что оно работает на сохранение устойчивости общественной жизни.

Длительная история просвещения и его широкая распространенность есть прямое подтверждение неслучайности этого феномена. Социальный институт формируется согласно естественным законам развития общества. Нельзя «придумать» деятельность с тем, чтобы затем искусственно создать под нее социальный институт. Если таковое и случилось бы, то подобный социальный институт долго бы не просуществовал.

Просвещение не является искусственно созданным социальным институтом. Оно не занимает чужого места. У него своя собственная ниша.

Какова эта ниша? Границы ее определяются тем, что просветительство предоставляет реальный шанс для дальнейшего развития цивилизации с сохранением великих ценностей прошлого.

Итак, мы разобрались с тем, что есть просвещение. Выскажем теперь посильные соображения по поводу Просвещения в России.

Не будем вступать в полемику с исследователями, отрицающими наличие в России XVIII столетия не только Просвещения, но и своей философии. Мы, со своей стороны, утверждаем, что философия в России появилась не ранее последней трети XVII века, но в XVIII столетии существовала уже как институционализованная форма общественного сознания. Здесь мы солидарны с А. А. Исаковым: «...как феномен философия

в Московском государстве не сложилась. Причиной тому могла стать отмеченная при анализе концепции “Москва – третий Рим” регрессивная тенденция, неспособность преодолеть эсхатологический кризис и апокалиптические настроения в условиях тяжелого внешнеполитического положения и связанного с ним процесса закрепощения сословий. В этой ситуации общество не смогло в заметном масштабе отказаться от мифа как формы общественного сознания, и философия осталась маргинальной» [1, с. 76].

Для нас очевидно, что Просвещение в России неоспоримый факт, как очевидно и то, что в России в первой половине XVIII века жили и работали философы-просветители, оставившие нам свои труды. Более того, почти все просветители сознательно называли себя философами, специально останавливались на предмете и значении философии. Для иллюстрации обратимся к наследию самого крупного мыслителя «ученой дружины» Петра I – Василия Никитича Татищева (1688-1750).

Философию, которую наряду с историей Татищев относил к разряду научных знаний, русский просветитель считал теоретически и практически значимым явлением духовной жизни человечества. Более того, он активно выступал против тех, кто умалял роль философского знания: «... истинная философия... не только полезна, но и нужна. А запрещающие оную учить суть или самые невежды, или неведущие в чем истинная философия состоит...» [8, с. 58].

Что же предопределило появление российской философии Просвещения? В конечном итоге переломный характер самой эпохи, вызвавший острейшую необходимость в осмыслении происходящих событий. А условия для развития философии имелись. Это и богатейшая духовная традиция – следствие взращивания на русской национальной почве византийского наследия. Это и наличие достаточного числа образованных людей, знакомых с последними достижениями западноевропейской философской мысли.

В этой связи хотелось бы остановиться на только что указанных духовно-теоретических источниках философии российского Просвещения. Мы не случайно поставили на первое место Византию, а не Запад. После крещения Руси византийское влияние на наших предков становится решающим, весьма плодотворным и перспективным.

Несомненно, труды и ранних, и более поздних философов и богословов Византии оказали влияние на становление и развитие русской философии. Здесь нельзя не упомянуть имена Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого и Псевдо-Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, признанное классическим философское наследие Иоанна Дамаскина, наследство великолепного знатока истории философии, ученого-энциклопедиста, оригинального философа платоновского направления Михаила (после пострижения Константина) Псела (XI в.). Посредством философской мысли Византии русская философия обогатилась различными школами философии Древней Греции, Древнего Рима, библейской мыслью и арабской философией. Это случилось именно потому, что философская мысль Византии являла собой необычайно высокий взлет духовной культуры, достойный подробного изучения и самого внимательного отношения. Весьма примечательным было распространение в V в. сочинений, ставших явлением духовной жизни не только христианского мира. Под именем Дионисия Ареопагита (афинянина, упоминаемого в «Деяниях апостолов» – 17; 34) в течение многих столетий изучалось и комментировалось учение, синтезировавшее христианское богословие и античную метафизику.

В сочинениях, приписываемых Дионисию Ареопагиту, излагались основы христианского вероучения, философского теоретизирования, которым суждено было сыграть выдающуюся роль в истории.

Потребность в просвещении русского общества была колоссальной. В этой связи совершенно естественным стало то, что философия в России акцентировалась на выполнении одной из своих важнейших функций – просветительской.

Насколько же философично было российское Просвещение или насколько «просветительна» была русская философия в данный период? Вопрос более риторический, нежели проблемный. Проще сказать, на основании каких критериев относить того или иного отечественного мыслителя к категории философов? Понятно, что для исследуемого периода мы должны подобрать более широкие критерии, нежели те, по которым квалифицируем философов в настоящее время. Просветитель, работающий в системе «мир-человек», с необходимостью становится философом, ибо предмет философии – всеобщее в системе «мир-человек». Любой мыслитель, поднимающий мировоззренческие и методологические вопросы на уровень глубоких обобщений, в XVIII веке имел полное право назвать себя философом. Спор о степени «философичности» взглядов того или иного мыслителя становится уже принципиальным. Хотя были среди русских мыслителей и так называемые «чистые» философы, т.е. ученые, получившие философское образование и занимающиеся только философскими изысканиями и преподаванием философии, например, Ф. Лопатинский, С. Прибылович, Г. Вишневецкий.

Таким образом, мы можем констатировать наличие в России уже в первой половине XVIII столетия своей философии. Эта философия в целом имела просветительскую направленность, и значение ее было весьма велико.

Список литературы

1. **Исаков А. А.** Развитие философских идей в России XVI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. 1. С. 73-76.
2. **История философии в СССР:** в 5-ти т. / рук. авт. коллект. В. Е. Евграфов. М.: Наука, 1968. Т. 1. 579 с.
3. **Каменский З. А.** Философские идеи русского Просвещения. Деистическо-материалистическая школа. М.: Мысль, 1971. 396 с.
4. **Кант И.** Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. М.: Ками, 1994. Т. 1. 586 с.

5. **Кашапова А. И.** Патриотизм как социальная ценность: актуализация в современных условиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (48): в 3-х ч. Ч. 2. С. 93-96.
6. **Кувакин В. А.** Мыслители России: избранные лекции по истории русской философии. М.: Российское гуманитарное общество, 2005. 520 с.
7. **Сухов А. Д.** Русская философия. Пути развития. Очерки теоретической истории. М.: Наука, 1989. 207 с.
8. **Татищев В. Н.** Разговор о пользе наук и училищ. М.: Университетская типография (М. Катков) на Страстном бульваре, 1887. 171 с.
9. **Шкуринов П. С.** Философия России XVIII века. М.: Высшая школа, 1992. 256 с.

PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT: TO THE PROBLEM OF INSTITUTIONALITY

Grechishnikova Nina Petrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bauman Moscow State Technical University
nina-grech@yandex.ru

The article examines the theme of the institutionality of enlightening activity in the context of the history of the Russian philosophy. The paper is written with the use of sociological approach to comprehending philosophical traditions and thus it stands out from the rest of historical-philosophical works. According to the author's understanding enlightenment is a special direction in the spiritual activity of mankind based on the belief in the transformative power of mind and expressed in translating knowledge, which contributes to the improvement of social relations. It is evident that enlightenment performs quite specific functions in society. That's why the author tells about the institutionality of enlightenment.

Key words and phrases: epoch of enlightenment; enlightening activity; the Russian philosophy; social institution; ideology.

УДК 17.035.1

Философские науки

В статье рассматривается онтологическая и этическая связанность понятий «ужас» и «смерть». Обосновывается значимость философской рефлексии над этими понятиями. Раскрываются особенности русской философии по сравнению с западноевропейской в вопросах, связанных с ужасом смерти. Также выявляются существенное различие между «ужасом смерти» и «страхом смерти» и отличия психологического и этического подходов к данным явлениям.

Ключевые слова и фразы: смерть; ужас; ужас смерти; страх; страх смерти; бытие; ничто; этика, психология.

Гришин Андрей Александрович

Воронежский государственный университет
iamaphilosopher@ya.ru

УЖАС И СМЕРТЬ В ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ[©]

И в обыденном, и в философском сознании понятия «ужас» и «смерть» сопряжены на самом глубоком уровне. Существующее выражение «ужас смерти» точно отражает фундаментальную тождественность этих понятий и состояний. М. Хайдеггер в «Бытии и времени» прямо говорит: «Люди не дают хода мужеству перед ужасом смерти» [11, с. 254]. Психологически это объяснимо вполне рационально: ужас является одной из наиболее сильных эмоциональных реакций на факт уничтожения человека. Однако философский анализ этих понятий дает более сущностное понимание не только психологической, но и нравственной природы человека.

Ужас может быть вызван множеством различных причин. Однако предельный ужас, «чистый ужас», ужас как таковой вызывается всегда смертью. Смерть ужасна, причем любая смерть, а не какая-то особенная «ужасная смерть». Смерть, как правило, ассоциируется с пустотой, темнотой и полным неведением. Ж. Батай пишет о скольжении «над бездной в совершенной темноте», в которой испытывается «весь ее ужас» [1, с. 198]. Это и есть состояние смерти, которое непременно натывается на ужас как наиболее точное выражение для этого состояния. Батай продолжает: «Мое “я”, умирающее... отвратительной смертью, внимает разуму не более, чем какая-нибудь собака, по доброй воле замыкается в ужасе» [Там же, с. 210].

Экзистенциальная аналитика ужаса в его сцепке со смертью более всего представлена в работах М. Хайдеггера. «Бытие к смерти есть сущностно ужас» [11, с. 266] – снова читаем в «Бытии и времени». Таково своеобразное феноменологическое кредо философа, связывающее ужас и смерть. Что же такое ужас, по его мысли? Это то, в чем «присутствие расположено *перед* ничто». Здесь появляется важное понятие «Ничто», которое, конечно, является самым ближайшим синонимом смерти, но в то же время имеет свою бытийную основу в конечности человека. Смерть мгновенна, она раскрывает «путь в Ничто», в «состояние Ничто». Само же Ничто имеет длительный характер, оно сопровождает человеческое бытие как бытие конечное до самой смерти. В этом смысле есть некоторое различие между смертью и Ничто.